

Монография И. С. Кона — интересное, творческое и полезное исследование. Тем более досадно, что те полторы страницы (стр. 96—97), которые автор уделяет обзору основных направлений в этнографии XX вв., написаны, на наш взгляд, слишком бегло и не всегда точно. Нельзя согласиться с И. С. Коном, когда он причисляет Ф. Боаса к функционалистам (стр. 96)³. Видимо, автор не проводит четкого различия между описанием данного общества в его современном состоянии (как иногда говорят, «функциональным» или «синхроническим» подходом), плодотворность которого проверена многолетним опытом конкретно-полевых исследований, и позитивистско-формалистическим «функциональным» направлением в этнографии, антиисторические концепции которого подверглись резкой и заслуженной критике со стороны как этнографов-марксистов, так и передовых буржуазных ученых. Одно дело — сосредоточить все свое внимание на данном состоянии общества, его функционировании, взаимодействии его составных частей (что вполне допустимо как рабочий прием, если исследователь не забывает о том, что он имеет дело с развивающимся обществом), другое дело — принципиально игнорировать исторический подход к обществу, как это делали Б. Малиновский и Радклифф-Браун.

Книга И. С. Кона вышла тиражом всего в 2500 экземпляров, который разошелся сразу же; переиздание ее, на наш взгляд, весьма желательно. Было бы ценно, если бы в новое издание была включена глава, посвященная истории концепций и методов в этнографии в ее связи с историей социологии.

³ В рецензии на одну из книг Б. Малиновского Боас прямо отверг антиисторизм функционалистских теорий. Выдержки из этой рецензии приведены в книге: М. Негсковитс, Franz Boas, *The Science of Man in the Making*, New York, 1953, стр. 67.

С. Артановский

М. О. Косвен. *Семейная община и патронимия*, М., 1963, 218 стр.

Выход в свет труда М. О. Косвена — одного из наиболее авторитетных исследователей вопросов первобытнообщинного строя — естественно привлекает внимание всех ученых, которые в той или иной степени интересуются этой проблемой. Рецензируемая книга является в известной мере обобщением М. О. Косвеном всех его прежних работ, посвященных общественным формам периода разложения первобытнообщинной формации.

Книга содержит семь глав, из которых первая посвящена семейной общине, а остальные шесть — патронимии.

Глава «Семейная община» состоит из двух частей. Первая из них содержит историю исследования семейной общины у различных народов, главным образом там, где она носила классическую форму и была в силу тех или других обстоятельств хорошо и подробно описана; сюда относятся в первую очередь южнославянская задруга, большая семья у русских и белоруссов, семейная община у народов Кавказа. В этой же главе рассмотрены различные точки зрения и теории, касающиеся сущности семейной общины, ее происхождения, развития и места в общественной жизни. Во второй части дана подробная характеристика семейной общины по существу и ее исторического развития. Здесь затронуты все стороны существования и развития семейной общины — названия ее у различных народов, величина общины и ее состав, взаимоотношения ее членов, хозяйственные функции и распределение труда, характеристика собственности и прав общины на нее, вопросы распада семейной общины, разделов и многие другие, которые здесь нет возможности полностью перечислить. Автор приходит к заключению о существовании двух исторических типов семейной общины — демократического и отцовского; последний является далеко не универсальным и стадияльно более поздним типом, связанным уже с возникновением частной собственности, и характеризуется, в первую очередь, деспотической властью отца или главы общины.

Если проблема семейной общины является не новой в этнографической литературе, в том числе и в советской, то представление о патронимии, как общественно-исторической форме, возникло совсем недавно. В науку оно было введено самим М. О. Косвеном в начале 1930-х гг. (см. рецензируемую работу, стр. 91—97) и довольно быстро получило признание со стороны многих советских этнографов.

По определению М. О. Косвена, «Патронимия — историческая общественная форма, свойственная патриархально-родовому строю. Она представляет собой группу семей, больших или малых, образовавшихся в результате разрастания и сегментации одной патриархальной семейной общины, сохраняющих в той или иной мере и форме хозяйственное, общественное и идеологическое единство и носящих общее патронимическое, т. е. образованное от собственного имени главы разделившейся семьи, наименование» (стр. 97).

М. О. Косвен во второй главе своего труда весьма тщательно и детально рассматривает патронимию в ходе ее исторического развития, определяет ее хозяйственную, общественную и идеологическую сущность, а также место ее среди других архаических общественных форм, соотношение и связь с ними. В последующих четырех главах дается тщательно собранный и систематизированный материал о патронимии у древних германцев, восточных славян и у народов Кавказа. Исследование завершается программой для собирания сведений о патронимии.

Суммируя все определения и характеристики патронимии, встречающиеся в различных местах книги (стр. 4, 6, 69, 81, 91—125), а также в конкретных примерах, изложенных в III—VI главах, в понятие патронимии автором включаются все те реминисценции рода, которые обычно еще долгое время бытуют в обществе, уже основанном на частной собственности, и которые до введения в научный обиход термина «патронимия» обычно обозначались понятиями «родственная группа», «группа родственных семей», «квартал, селение, населенное группой родственников», «община, с преобладанием кровнородственных связей» и т. п. Стадиально патронимия, по М. О. Косвену, является архаической общественной формой, сопутствующей семейной общине и предшествующей появлению сельской, соседской общины (этого вопроса мы подробнее коснемся ниже).

Трудно переоценить все значение рецензируемой работы М. О. Косвена. В ней, помимо общих положений о семейной общине и патронимии, разработан целый ряд более частных вопросов. Например, очень интересна трактовка вопроса о власти отдельных мужчин в семейной общине над своими женами и детьми, отсутствие подобной власти характерно для того периода существования общины, когда еще не могла идти речь о выделении индивидуальных семей; убедительно разработан и другой вопрос — о личной собственности отдельных мужчин и женщин в рамках общинной собственности всей семьи в целом. Можно было бы остановиться и на целом ряде других вопросов, получивших в работе убедительное решение, например, на вопросах раздела общины, причинах консервации семейных общин и т. п.

В вопросах истолкования сущности семейной общины автор не оставил без внимания и критику явно устаревших теорий, таких, например, как теория трудового, артельного начала.

Нет нужды говорить о том, что в книге собран богатейший фактический материал, который окажет неоценимую помощь всякому, кто занимается или будет заниматься вопросами разложения первобытнообщинной формации.

Перейдем теперь к изложению некоторых критических замечаний, возникших у нас в процессе ознакомления с книгой.

Большое недоумение вызывает положение М. О. Косвена о так называемой материнской семье. Приведем соответствующие высказывания автора. Указывая, что Ф. Энгельс отметил заслугу М. М. Ковалевского в разработке вопроса о патриархальной семейной общине, М. О. Косвен пишет: «...Энгельс отметил, что Ковалевский доказал широкое, если не повсеместное, существование патриархальной семейной общины как промежуточной ступени между материнской семьей и современной индивидуальной семьей и поставил это в несомненную заслугу Ковалевскому» (стр. 38). «На деле семейная община, или большая семья, свойственна также и эпохе развитого матриархата. Это — наблюдаемая и сейчас в сохраняющихся матриархальных обществах материнская семья, сравнительно большая родственная группа, состоящая из четырех-пяти поколений, потомков одной женщины. Материнская семья представляет собой единое хозяйство, единый производственный и потребительский коллектив и, в условиях полностью осуществленных начал первобытнообщинного строя, является совершенным воплощением этого строя» (стр. 41). И далее: «Специфику материнской семьи и ее радикальное отличие от семьи патриархальной составляет прежде всего ее структура: тогда как в патриархальную семью входят жены, происходящие из других родов, все члены материнской семьи принадлежат к одному материнскому роду. Мужья, в силу присущих матриархату форм брака и брачного поселения, в семью же не входят¹. Другую особенность материнской семьи составляет то, что в ней, пока действуют матриархальные начала, не происходит, как это наблюдается в патриархальной семье, образования индивидуальных малых семей. В материнской семье имеет место некоторая индивидуализация замужних женщин с их детьми и их матриликальными мужьями, однако сколько-нибудь полного обособления такой семьи, в особенности ее превращения в отдельную хозяйственную и общественную единицу, а тем более ее выдела, не происходит. Материнская семья либо прекращает свое существование вместе с общим распадом материнского строя в данном обществе, либо, в процессе перехода данного общества от матриархата к патриархату, превращается в патриархальную большую семью. Развитие производительных сил, изменение производственных отношений, в частности, и в особенности изменение общественно-производственной роли мужчины и

¹ Разрядка всюду наша. — Н. К.

женщины, изменение формы брака, переходящего от парного брака к моногамии и прочному патрилокальному поселению супругов,— таковы причины, непосредственно обуславливающие превращение материнской семьи в патриархальную. Именно это превращение основной ячейки развитого родового общества составляет центральное ядро всего процесса превращения матриархата в патриархат» (стр. 41—42). Мы вынуждены были привести столь длинную цитату, чтобы полностью осветить точку зрения автора.

Такая постановка вопроса меняет все представления о семье и роде, в том виде, в каком они сложились в советской этнографии, базирующейся на учении классиков марксизма. Нам неизвестно, чтобы Ф. Энгельс говорил где-либо о материнской семье (о ней говорил лишь М. М. Ковалевский). В упомянутом выше отрывке из «Происхождение семьи, частной собственности и государства» говорится, что «...патриархальная домашняя община... образовала переходную ступень от семьи, возникшей из группового брака и основанной на материнском праве, к отдельной семье современного мира» (цит. по изданию 1949 г., стр. 58). Внимательно просматривая всю главу, посвященную семье, у Ф. Энгельса мы нигде не найдем упоминания о материнской семье. Как известно, Ф. Энгельс различал четыре основные формы семьи — кровнородственную, пунадуальную, парную и моногамную, а как промежуточную форму между последними двумя — патриархальную семью; он говорит об обществе, основанном на парном браке и на материнском роде. И везде вполне последовательно для эпохи развитого родового строя он говорит о материнском роде.

Мы находим у М. О. Косвена в приведенной выше цитате (см. подчеркнутые нами места) некоторое противоречие: с одной стороны, мужья не входят в семью жен, а с другой — они входят в нее. Но как вообще можно говорить о семье, состоящей из одних жен? Мужья, конечно, входили в семью, правда, в то время весьма неустойчивую, так называемую парную, но которая не составляла ячейки материнского рода, строившегося совершенно на других принципах. Как раз то обстоятельство, что в дальнейшем в патриархальную семью (семейную общину) входят и мужья, и жены, делает ее действительно семьей. М. О. Косвен пишет о специфике материнской семьи (по существу у него речь идет не о семье, а о роде), отличающей ее от патриархальной семьи; по существу же дело не в специфике, а в коренном различии двух совершенно несопоставимых форм общественной организации. В «материнской семье» (по терминологии автора) совершенно естественно не может иметь места процесс образования индивидуальных семей, поскольку она сама не является семьей. Еще более неприемлемо положение о превращении «материнской семьи» в патриархальную большую семью. При такой трактовке может создаться впечатление, что нет принципиальной разницы между «материнской семьей» и патриархальной семьей, что все дело лишь в изменении положения женщины, замене матрилокальности патрилокальностью, материнского счета родства — отцовским, и вот перед нами трансформация — превращение «материнской семьи» в патриархальную, что, по словам автора, «составляет центральное ядро всего процесса превращения матриархата в патриархат».

В действительности дело, как известно, обстоит значительно сложнее: «общественные движущие силы» (Ф. Энгельс) привели к новому порядку — к отцовской филиации и к патрилокальному поселению, в результате чего материнский род сменился отцовским. Мы вполне согласны с М. О. Косвеном, когда он говорит об известной непрочности, «эфемерности» отцовского рода (стр. 119), что поскольку на этом этапе в действие вступили новые движущие силы, сама родовая организация начинает быстро распадаться. По сравнению с классическим материнским родом, устойчиво существовавшим в течение длительного времени, отцовский род представляется чем-то более эпизодическим, и он очень скоро порождает новую общественную форму — семейную общину, форму, в которой впервые соединяются и хозяйственные функции, и семейные.

Пока большинство советских ученых стояло и продолжает стоять на такой точке зрения. Верно, что к концепции Ф. Энгельса нельзя подходить догматически; мы знаем, что некоторые высказанные им положения в связи с накоплением новых фактов уточнялись советской наукой. Но стремление заменить понятия «парной семьи» и «материнского рода» понятием «материнская семья» требует более серьезной аргументации и прочных обоснований.

Перейдем теперь к вопросу о патронимии. М. О. Косвен отмечает, что в процессе исторического развития патронимии ориентировочно можно наметить три фазы. «Первая фаза составляет начальную ее форму, относящуюся к начальной стадии истории патриархально-родового строя, к стадии, которая сохраняет еще основные первобытно-общинные черты. Патронимии в этой фазе мы не знаем в каком-либо конкретном ее выражении ни по историческим источникам, ни по этнографическим данным, и таким образом, можно сказать, ее только гипотетически реконструируем или даже лишь угадываем. Вторая фаза рисует нам патронимию уже всегда в ее в большей или меньшей степени распадном состоянии и представляется нам в существующем весьма обширном, хотя, как уже сказано, очень недостаточно анализированном, историческом и этнографическом материале. Наконец, третьей фазой истории патронимии можно считать рисуемые тем же материалом ее различные, отдельные, иногда, впрочем, связан-

ные в некие комплексы, пережитки» (стр. 98). Это положение автора позволяет в хронологическом аспекте сопоставить патронимию с теми формами общественной организации периода разложения первобытнообщинного строя, которые нам были известны до введения в научный оборот понятия патронимии. Поскольку первая фаза патронимии, постулируемая М. О. Косвен, относится к начальной стадии истории патриархально-родового строя, то она должна быть отнесена к тому времени, когда материнский род сменился отцовским родом, а если мы согласимся с тем, что последний очень быстро стал распадаться, то и ко времени выделения из рода семейной общины или общин.

Вторая фаза, по-видимому, целиком связана с периодом существования семейных общин, вероятно, периодом достаточно длительным, так как семейная община, как известно, обладала большой стойкостью. «Естественно размножаясь, пишет автор, эта община время от времени сегментируется, распадается на ряд таких же, но меньших по размеру семейных общин, которые со временем, в свою очередь разросшись, таким же порядком сегментируются. Происшедшие от одной большой семьи новые семьи сохраняют в некоторых отношениях известную общность и представляют собой особую, также свойственную патриархально-родовому строю, родственную группу, которую мы называли патронимией» (стр. 6). Таким образом, семейная община как бы служит постоянной «питательной средой» для патронимии, поддерживая ее существование на протяжении длительного времени.

Такая взаимосвязь заставляет нас задуматься над вопросом о том, какая же общественная форма на указанном этапе является ведущей. По-видимому, все же это семейная община, которая для данного периода не изжила себя и, несмотря на непрерывно повторяющуюся сегментацию, имеет стойкую тенденцию непрерывно вновь восстанавливаться. Совокупность же групп кровных родичей, образовавшаяся в результате сегментации семейных общин, независимо от того, будем ли мы называть ее патронимией или как-либо иначе, на данном этапе не будет определять основную форму общежития, а представляет собой второстепенную, сопутствующую форму.

Наконец, наступает такой период, когда семейная община уже изживает себя. «Большая семья, пишет М. О. Косвен, в тех же образцах, которые нам преимущественно известны, является типической формой патриархально-родового строя, его специфическим выражением. С распадом этого строя распадается и большая семья. Возникает новая общественная ячейка — малая, или индивидуальная, семья, состоящая из родителей и детей. Она сначала лишь вызревает и дифференцируется в недрах большой семьи, а затем взрывает ее: большая семья прекращает свое существование, распавшись на малые семьи» (стр. 6—7).

С распадом семейной общины должна, теоретически рассуждая, клониться к упадку и патронимия. Во всяком случае иссякает тот источник, который питал патронимию, возникновение новых патронимий становится невозможным, существующие же патронимические группы все дальше и дальше расходятся и разобщаются. Нарушаются экономические и хозяйственные связи, сохраняются лишь некоторое идеологическое единство. Здесь, по-видимому, патронимия вступает в свою третью и последнюю фазу, обрисованную М. О. Косвен.

Невольно в этой связи возникает вопрос о сельской (соседской) общине². Да и сам автор обращается к ней, говоря о взаимоотношениях патронимии с другими архаическими общественными формами: «Так или иначе, — пишет он, — в условиях распада патронимического строя при известных обстоятельствах возникала соседская община. Не следует, однако, впадать в наивный эволюционизм, упрощенно считая, что соседская община развивается из патронимии. Прежде всего, обе эти формы принципиально различны: патронимия основана на родственном начале; соседская община — на начале территориальном, соседском. В патронимии... основой совместного поселения и совместного владения землей остается начало родственное. В соседской общине, являющейся в основном формой владения и пользования землей, это владение и пользование основывается на начале территориальном, соседском и ничего общего не имеет само по себе с отношениями родства» (стр. 121).

Нельзя признать все верным в этом отрывке. Слов нет, в основе соседской общины лежит территориальный признак, а не родственный. Но вряд ли правильно считать наивным положение о том, что соседская община развивается на основе общинных начал, заложенных в кровнородственной группе. Если так подходить к вопросу, то никак нельзя будет объяснить возникновение коллективных начал в соседской общине. И что значит «начала территориальные, соседские»? Ведь нельзя же в самом деле предположить, что коллективизм этот возник на основе какой-то договоренности лиц, оказавшихся в силу тех или других обстоятельств соседями.

² Говоря о сельской (соседской) общине, мы имеем в виду главным образом оседлое земледельческое население, хотя, как известно, сельская община существовала и у кочевников. Однако поскольку автор не подчеркивает какой-либо принципиальной разницы между патронимией у земледельцев и скотоводов-кочевников, мы также не будем касаться вопроса связи патронимии с формами хозяйства.

Дело могло обстоять, по-видимому, только так, что после распада семейных общин кровнородственные связи стали ослабевать, и с течением времени, в кровнородственной общине, владевшей еще на коллективных началах определенными землями или угодьями, вследствие выселений и переселений родственные связи стали заменяться соседскими. Процесс этот мог идти и путем образования вымороченных хозяйств, тогда на место прежних владельцев появлялись чужеродцы, и путем выселения отдельных семей, на земли которых приходили (может быть даже приглашались) новые земледельцы. В результате появились соседские общины, в которых еще можно было проследить следы кровнородственных связей (в частности, например, общины-селения, где отдельные кварталы были или полностью, или частично заселены кровными родственниками). Мы позволим здесь сослаться на близкий нам материал по таджикам³.

Таким образом, сельская община лишь архаически была кровнородственной, а в дальнейшем все более и более становилась соседской. И подходя к вопросу с точки зрения сохранения в какой-то мере общинной собственности, трудно было бы провести принципиальное различие между общиной кровнородственной и общиной соседской.

Н. Кисляков

³ См., например, нашу работу «Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио-боло» (М.—Л., 1936, стр. 22—25, 76—80, 99—102), где этот процесс хорошо прослеживается.

АТЛАС ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЙ В СИБИРИ И В СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ АМЕРИКЕ XVII—XVIII вв. М., 1964

Рецензируемый Атлас представляет собой наиболее полное систематизированное собрание исторических карт Сибири и Северо-Западной Америки. Атлас — результат многолетней изыскательской работы его составителей А. В. Ефимова, М. И. Белова, О. М. Медушевской в Центральном государственном архиве древних актов, в Центральном государственном военно-историческом архиве, в архиве Академии наук СССР и других хранилищах Москвы и Ленинграда, а также тщательного изучения картографических публикаций.

Потребность в Атласе исторических карт Сибири назрела давно. Огромный вклад русских землепроходцев, полярных мореходов XVII в., участников академических экспедиций в Сибирь XVIII в. в развитие научных географических представлений о Сибири изучен крайне недостаточно, несмотря на большой интерес к этому вопросу и наличие значительного числа публикаций.

Отсутствие систематического собрания подлинных исторических карт Сибири затрудняло оценку и углубленную разработку результатов исследований Сибири и Северо-Западной Америки в XVII—XVIII вв.

Атлас географических открытий в Сибири впервые на столь глубоком документальном материале первоисточников — карт и чертежей — демонстрирует многовековой процесс накопления сведений о Северо-Восточной Азии и Северо-Западной Америке, вклад русской науки в мировую географию.

Атлас открывается обстоятельным введением, состоящим из трех разделов: «Периодизация истории географических открытий и картография Сибири и Северо-Западной Америки», «К изучению вопроса» и «Археографические примечания».

Автор введения, А. В. Ефимов, рассматривая создание научных географических представлений как результат сложного процесса развития, предложил следующую периодизацию географических открытий и картографии Сибири: 1) религиозно-мифологический этап; 2) географические открытия в древности и средние века (в это время открытия неевропейских народов уже оказали влияние на изображение востока Азии на арабских и других картах); 3) географические открытия конца XV в. (доколумбовы и колумбовы карты); русские карты Сибири XVII—XVIII вв.

Характеризуя картографические работы XVII—XVIII вв., А. В. Ефимов подчеркнул бесспорный приоритет русских землепроходцев и ученых в исследовании простанств Северной Азии и Северо-Восточной Америки. Приведенные в Атласе материалы свидетельствуют, что карты Сибири XVII—XVIII вв., составленные иностранцами, воспроизводят по существу данные русских карт.

Ярко показана во введении противоречивость и сложность процесса накопления географических сведений о Сибири и Северо-Западной Америке. Многие открытия, как например, открытие Дежневым пролива между Америкой и Азией, далеко не сразу стали достоянием науки. Заслуженную оценку получили картографические работы С. Ремезова, а также труды I и II Камчатских экспедиций, названных А. В. Ефимовым по характеру работ — Великой Сибирско-Тихоокеанской экспедицией. Автор спра-